

А. Е. Рабинович

Размышления о работе моей жизни: Изучение большевиков, русской революции 1917 г. и динамики начала строительства советского государства в Петрограде

Хотелось бы поделиться некоторыми результатами своего исследования о большевиках, русской революции 1917 г. и динамике начала строительства советского государства в Петрограде — результатами, к которым я пришел, изучая на протяжении почти всей профессиональной жизни различные аспекты этих еще спорных вопросов. Но, как представляется, начать следует с некоторой предыстории факторов, сформировавших мои размышления об этих вопросах *до того*, как я стал профессионально изучать их.

Несомненно, важнейшим из этих факторов стало мое воспитание в семье либеральных русских эмигрантов. Моя мать Анна Дмитриевна Майерсон, родом из Житомира, была актрисой русского театра. Отец Евгений Исаакович Рабинович родился в Санкт-Петербурге. Он был известным физико-химиком и публицистом¹.

Оба эмигрировали из России летом 1918 г. и в конце концов устроились в Америке. В ранние годы моего становления наша семья была частью оживленного русского эмигрантского сообщества на восточном побережье Соединенных Штатов. Некоторые из моих ярких воспоминаний о том времени связаны с летними месяцами на даче в цветущих Зеленых горах Вермонта, где

¹ О моем отце см.: *Рабинович А.Е.* «Главной его чертой была человечность...» // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Н.Я. Олесич. Т. 3. СПб., 2005. С. 384–407.

в то время жили некоторые из самых известных русских в Америке — от Владимира Набокова до Александра Керенского. Там обсуждались вопросы, связанные с русской историей, культурой и текущими событиями. Эти обсуждения зачастую перерастали в оживленные споры, но существовали и такие темы, по которым существовал ненарушимый консенсус. Среди них — утверждение, что приход к власти большевиков был результатом военного переворота. Этот переворот был совершён сплоченной группой революционных фанатиков под руководством Ленина. Все считали, что этот переворот финансировался немцами и не имел широкой поддержки народа. Другой вопрос, по которому царил согласие, касался того, что всё, что проистекало из этого события, было отвратительно и представляло глобальную угрозу. Поэтому несмотря на то что продолжающийся всю мою жизнь интерес к русской истории и культуре вырос из моего раннего семейного общения, именно это общение оставило у меня абсолютно негативное мнение о большевиках, «Красном Октябре» и обо всем советском историческом опыте.

Формальное изучение новейшей русской и советской истории я начал в аспирантуре. Там у меня пробудился интерес к русской революции как основополагающему историческому событию, которое нуждалось в серьезном пересмотре. Тем не менее, когда пришло время выбирать тему докторской диссертации, мои основные взгляды о Советском Союзе и его рождении, усиленные враждебностью, порожденной холодной войной между нашими странами, не изменились. Моим первым выбором была политическая биография Ираклия Церетели, известного грузинского меньшевика и главы национального умеренного социалистического советского руководства летом 1917 г. После неудачного июльского восстания 1917 г., вина за которое была, по широко распространенному мнению, возложена на Ленина, Церетели возглавил усилия умеренных социалистических советских руководителей по усилению Временного правительства и сдерживанию большевиков.

Как тогда я перешел от Церетели к большевикам? И как произошло, что я порвал с существующими глубоко *негативными* эмигрантскими и западными взглядами на большевистскую партию и революцию, которая привела ее к власти? Мне часто задают эти вопросы, и ответ прост. *Эмпирическое исследование* привело меня к тому, что я изменил свои взгляды. Вскоре после того, как я начал это исследование, я пришел к заключению, что распространенная интерпретация, данная июльскому восстанию Церетели как не более чем неудавшемуся ленинскому государственному перевороту, опровергалась очевидностью политических противоречий и социальных волнений, что обнаруживалось в ограниченном корпусе релевантных первичных источников, доступных в то время на Западе. В то же время стало ясно, что советский взгляд на июльское восстание как на стихийный взрыв народного недовольства Временным правительством и войной, которое большевики пытались честно сдерживать, был в равной степени неубедительным. Еще до осени 1963 г., когда началась

моя десятимесячная стажировка по обмену в Москве и в Ленинграде, мой изначальный интерес сместился с Церетели на тогда всё еще запутанный и спорный вопрос о роли большевиков в июльском восстании.

Большевики в Петрограде и июльское восстание

Некоторые источники, доступные в Соединенных Штатах, помогли мне начать поиск ответа на этот вопрос. Эти источники подтвердили исторически важнейшую роль, которую сыграл Ленин, успешно убеждая большевиков в реальности близкой социалистической революции на Седьмой всероссийской конференции большевистской партии в конце апреля. В то же самое время опубликованная стенограмма конференции также раскрыла глубокие расхождения в революционных целях, всё еще остающиеся между членами Центрального комитета, избранного конференцией². Даже более важным, без труда доступным источником были детальные протоколы еженедельных заседаний Большевистского петербургского комитета в 1917 г.³ Они также отражали различие политических взглядов между петроградскими большевиками, а также еще нечто более кардинальное — трансформацию партии после свержения царя от небольшой конспиративной организации в массовую политическую партию с сильными последователями на фабриках и в казармах, и ее относительно децентрализованную, гибкую и демократическую структуру и механизм функционирования.

Несмотря на то что во время моего первого периода исследовательской работы в Советском Союзе о доступе в архивы не было и речи, редкие опубликованные источники, доступные мне, предоставили возможность разъяснить всё еще непонятные аспекты роли большевиков в июльском восстании и более широкие вопросы, относящиеся к структуре и функционированию партии и ее связи с революционным процессом, развернувшимся на народном уровне⁴. Выводы

² Показательно, что четверо умеренных членов — Лев Каменев, Виктор Ногин, Владимир Милютин и Григорий Федоров — входили в число девяти членов Центрального комитета, избранного съездом.

³ См.: *Кудели П. Ф.* Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. / Под ред. П. Ф. Кудели. М.; Л., 1927. Более обновленное, полное и значительно дополненное издание этих протоколов см.: *Абросимова Т. А., Бондаревская Т. П., Лейкина Е. Т., Черняев В. Ю.* Первый Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседания. СПб., 2003.

⁴ Например, тщательное сравнение главной газеты Центрального комитета «Правда» и газеты Большевистской военной организации «Солдатская правда» в период подготовки к июльскому восстанию подтверждает расхождение между тактической осторожностью Центрального комитета и радикализмом военной организации («Солдатская правда» не была доступна на Западе). Более того, страницы «Солдатской правды», а также не менее редкой кронштадтской ежедневной газеты «Известия Кронштадтского совета» в течение нескольких недель накануне июльского восстания отражали резко возрастающие волнения среди измученных войной солдат Петроградского гарнизона и матросов Балтийского флота и помогли обнаружить ключевые связи между ним и сепаратизмом и обострившейся воинственностью Большевистской военной организации.

по этим вопросам отражены в моей первой книге «Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising» 1968 г. («Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года» в переводе 1992 г.)⁵.

Вслед за выходом этой книги советские историки атаковали меня как «буржуазного фальсификатора» за отклонение от обязательных канонов. Однако большинство западных рецензентов согласилось с моим описанием июльского восстания, признав его достоверным изображением народного разочарования скромными результатами Февральской революции, которое поощрялось и поддерживалось радикальными элементами Большевицкой военной организации и Петербургского комитета. Большинство рецензентов также приняло мои выводы о том, что хотя восстание было отчасти результатом большевицкой антиправительственной агитации и пропаганды, длящейся месяцами, оно началось против воли Ленина и Центрального Комитета⁶.

Большевики приходят к власти

После провала июльского восстания Ленина обвинили в том, что он был немецким агентом. Он был вынужден скрываться. Многие ведущие большевики были брошены в тюрьму. Партийная печать частично была закрыта. Предыдущий всплеск народной поддержки большевиков временно пошел на спад.

В то время как вышла монография об июльском восстании, я и начал заниматься своей книгой о «Красном Октябре» — «Большевики приходят к власти». Мне казалось, что июльскому поражению значительно способствовал характер большевицкой партии весной и в начале лета 1917 г., особенно ее терпимое отношение к фундаментальным программным разногласиям, ее децентрализованная структура и чувствительность к мнению народа. В результате я предположил, что последующая реконструкция в соответствии с традиционно принятой ленинской централизованной моделью в большей степени может объяснить быстрое восстановление партии и ее способность взять власть. Эта гипотеза оказалась неверной. Напротив, выяснилось, что *продолжающаяся* партийная терпимость к разнообразию мнений в сочетании с ее относительно открытым и демократическим стилем работы; чувствительность к народным настроениям

⁵ На русском языке эта книга была опубликована в 1992 г. См.: Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992.

⁶ Некоторые члены Центрального комитета, как и Ленин, боялись, что против свержения Временного правительства выступят крестьяне в провинциях и солдаты на фронте. Другие умеренные большевики, такие как Лев Каменев, были убеждены, что отсталая Россия была далека от того, чтобы быть готовой к социалистической революции. На протяжении 1917 г. умеренные большевики рассматривали создание нового правительства, созданного из широкой коалиции левых социалистических партий на представительном национальном Учредительном собрании как ключ к фундаментальным политическим, экономическим и социальным реформам (мою оценку умеренных большевиков и их значение в 1917 г. см.: Рабинович А. Умеренные большевики об Октябре 1917 года // Исторические записки. 2008. № 11 (129). С. 330–346).

при принятии решения; устойчивая привлекательность ее политической программы, требующей немедленного заключения мира, земли и хлеба, и передача власти многопартийным Советам вплоть до созыва Учредительного собрания — всё это имело решающее значение для успеха партии в октябре.

Позвольте проиллюстрировать это ключевое положение несколькими примерами, которые подробно рассматриваются и документируются в моей второй книге «Большевики приходят к власти». Реакцией Ленина на поддержку умеренным социалистическим советским руководством антибольшевистских репрессий были определенные требования, чтобы партия отказалась от лозунга «Вся власть Советам!», покинула существующие Советы и подготовилась к восстанию пролетариата, как только это стало возможно. Однако на важных партийных собраниях в середине июля этот курс встретил эффективное сопротивление со стороны умеренных большевиков в Центральном комитете и петроградских партийных руководителей всех уровней, которые поддерживали теоретические взгляды Ленина, но хорошо знали о преданности фабрично-заводских рабочих, солдат и моряков существующим Советам, и которые сами, в отличие от Ленина, всё еще верили в их революционный потенциал⁷. На Шестом всероссийском съезде партии большевиков в конце июля после ожесточенных дебатов лозунг «Вся власть Советам!» был снят. Но практический эффект этого акта был в значительной степени сведен на нет повторным подтверждением Съездом первостепенной важности *продолжения* революционной работы в Советах. В конце августа большевики сыграли важнейшую роль в мобилизации сил, которые подавили попытку военного переворота во главе с генералом Лавром Корниловым. После этого влияние партии в народных массах снова стремительно возросло. Лозунг «Вся власть Советам!» теперь был фактически восстановлен. Кроме того, благодаря своей центральной роли в победе над Корниловым большевики завоевали большинство в Петроградском Совете.

Примерно две недели спустя Ленин, который всё еще скрывался, вдруг потребовал, чтобы его товарищи в Петрограде *немедленно* организовали *самостоятельное* свержение Временного правительства! Крайняя нетерпимость Ленина в деле захвата власти именно в этот момент, похоже, была вызвана такими факторами, как завоевание поддержки большевистской программы большинством не только в Петроградском, но и в Московском Совете; массовое расширение волнений среди крестьян в деревне и солдат на фронте; и признаки революционного брожения на немецком флоте⁸. Последний фактор был особенно

⁷ Я имею в виду двухдневную конференцию (13–14 июля) ведущих петроградских и московских большевиков, организованную Центральным комитетом партии и последнюю сессию Второй городской конференции петроградских большевиков (16 июля), которые были прерваны июльским восстанием.

⁸ Также очевидно, что нетерпение Ленина объяснялось беспокойством о том, чтобы правительство каким-нибудь образом не отодвинуло революцию возможной сдачей Петрограда

значимым для Ленина вследствие его твердого убеждения, что социалистическая революция в отсталой России приведет к решающим социалистическим революциям в более развитых странах и, что в равной степени важно, последнее было в его представлениях абсолютно необходимым для выживания революционной России.

Требования Ленина в середине сентября, как и его апрельские тезисы, положили начало изменению направления мышления руководства большевистской партии в Петрограде влево, в сторону скорейшего смещения Временного правительства. В ближайшее время, однако, его призыв к немедленным действиям был отвергнут лидерами партии, которые тогда находились в Петрограде и сильнее, чем Ленин, чувствовали предел поддержки большевиков массами и крепкую преданность петроградских масс исключительно социалистической власти, осуществляемой через демократические, многопартийные советы.

Во второй половине сентября, вначале из своего убежища в Финляндии, а позже из другого убежища на окраине Петрограда, Ленин умолял своих коллег в столице свергнуть Временное правительство без дальнейшего промедления. Но его настойчивые мольбы и возрастающая ярость были проигнорированы. К концу сентября национальное руководство Советов, побужденное к этому большевиками и левыми эсерами, назначило Второй всероссийский съезд советов на 20 октября (позже отложенный на 25 октября), чтобы решить, следует ли менять правительство. С этого момента большевистское руководство в Петрограде столкнулось с непростой проблемой: стоит ли попытаться использовать съезд Советов для построения широкого альянса «демократических групп», который бы сформировал исключительно социалистическое коалиционное правительство до начала досрочного созыва Учредительного собрания (что было целью умеренных большевиков) или же использовать съезд в качестве средства передачи власти исключительно крайне левому советскому правительству, которое настаивало на немедленном заключении мира и проведении радикальной программы социальных изменений, что получило бы резонанс среди рабочих по всему миру. Это было целью таких «ленинцев духом», как Троцкий. Видимо, отчасти, чтобы решить этот вопрос, чрезвычайный всероссийский съезд партии был назначен на 17 октября, а пока всё большевистское руководство вместе с левыми эсерами, меньшевиками-интернационалистами и другими левыми социалистическими группами держали устойчивый курс на создание советского правительства на съезде Советов, в то же время используя любую возможность, чтобы мирным путем подорвать авторитет Временного правительства.

10 октября на тайном заседании Центрального комитета Ленин привел свои доводы в пользу немедленного захвата власти. Заседание завершилось приня-

---

немцам, а также тем, что если партия отнесется несерьезно к захвату власти, это положит начало потере влияния среди революционных масс и партия будет не в состоянии остановить погружение России в полную анархию.

тием его резолюции — поставить вооруженное восстание «на повестку дня». Это предотвратило партийный съезд, который так и не состоялся⁹. Тем не менее, несмотря на то что организации вооруженного восстания был дан зеленый свет, мало что было сделано для достижения этой цели в течение почти трех недель.

Тому было несколько причин. Во-первых, умеренные партийные лидеры, такие как Каменев и Зиновьев, сделали всё, что могли, чтобы предотвратить начало вооруженного восстания в уверенности, что прямая организованная партией атака на правительство до Всероссийского съезда Советов была бы *самубийством* и, более того, что большинство партийных лидеров в масштабе всей страны разделяло их взгляды¹⁰. Также против осуществления резолюции ЦК от 10 октября выступали члены Центрального комитета, такие как Троцкий и радикально настроенные петроградские партийные лидеры, которые разделяли идею Ленина о ранней социалистической революции в России, но у которых были сомнения относительно осуществимости организации традиционно массового вооруженного восстания до съезда советов¹¹.

В результате большевистское руководство в Петрограде придерживалось «оборонительной» стратегии, основанной на том принципе, что для свержения Временного правительства следует использовать не партийные, а советские органы; что для сохранения максимально широкой поддержки любые антиправительственные действия должны быть ограничены тем, что могло бы быть оправданно с точки зрения защиты советов; и по возможности официальное отстранение правительства Керенского должно быть связано со Вторым всероссийским съездом советов и узаконено его решениями. Эта стратегия была естественным и реалистичным ответом на сложившуюся ситуацию, принятую одинаково умеренными партийцами и ленинцами, хотя и с явно различными

⁹ То, что съезд партии большевиков был запланирован на 17 октября, не оспаривается. Однако, насколько мне известно, исчерпывающие поиски, инициированные московскими историками в конце советской эпохи, не привели к появлению документов, разъясняющих причины отмены съезда.

¹⁰ Длинное письмо, в котором Каменев и Зиновьев изложили свои взгляды и распространили их среди партийных лидеров 11 октября, см.: Протоколы Центрального комитета РСДРП(б): Август 1917 — февраль 1918 / Ин-т марксизма-ленинизма. М., 1958. С. 86–92. Уверенность умеренных в своих силах среди большевиков повсеместно в стране, вероятно, была основана отчасти на том, что несколькими неделями ранее большое и представительное собрание большевистских лидеров со всей страны поддержало их, а не Ленина в вопросе об участии большевиков в Предпарламенте (Ленин потребовал его бойкотировать).

¹¹ Тем не менее, несмотря на эти оговорки, в соответствии с решением ЦК от 10 октября, большевистские лидеры Петрограда серьезно изучили возможности для свержения Временного правительства сразу и с этой целью создали крупные стратегические конференции. Однако в ходе этих конференций они пришли к выводу, что технически не готовы начать немедленное, классическое вооруженное восстание и в любом случае рабочие, солдаты и матросы в своем большинстве *не* ответят на призыв к восстанию до съезда Советов.

целями. По сути, это было продолжением подхода, принятого в конце сентября. Только теперь, в частности в период между 21 и 24 октября, следовали этой стратегии гораздо агрессивнее.

В ответ на введение контроля Петроградского совета над петроградским гарнизоном рано утром 24 октября, буквально накануне съезда советов, правительство Керенского попыталось обуздать большевиков. Те, в свою очередь, ответили решительными контрмерами, оправданными интересами обороны, оставив Временное правительство в Зимнем дворце изолированным и беспомощным. Лишь с личным вмешательством Ленина на рассвете 25 октября, после того как всё это было достигнуто, была предпринята попытка в одностороннем порядке свергнуть Временное правительство, и к ночи всё было закончено. Однако в соответствующей исторической литературе игнорируется тот факт, что прямой штурм Временного правительства стал возможен лишь *после* успешной реализации «оборонительной» стратегии, начавшейся в конце сентября¹².

Приход большевиков к власти в октябре 1917 г., следовательно, не может быть охарактеризован просто как успешный переворот во главе с Лениным и Троцким, подобно тому, как июльское восстание названо просто неудачным. Ни одно из этих событий не было классическим народным восстанием, но оба были серьезным выражением глубокого разочарования среди низших классов Петрограда результатами Февральской революции и их симпатии к радикальной большевистской программе. Более того, динамика обоих событий объяснялась важной недооцененной характеристикой петроградской большевистской партийной организации в 1917 г., хотя и со значительно различающимися результатами.

Несмотря на то что эти выводы отрицали доминирующие представления о «Красном Октябре» в среде западных историков, их рецензии на книгу «Большевики приходят к власти» были хвалебными. Однако книга вызвала усиленную критику советских историков.

¹² Оглядываясь назад, мы с очевидностью обнаруживаем, что основной целью Ленина в настоятельных призывах к насильственному свержению Временного правительства до открытия съезда Советов было исключение возможности формирования социалистической коалиции на съезде, в которой умеренные социалисты имели бы большое число голосов. Эта цель была реализована. Накануне открытия съезда до начала открытых военных операций, которые завершились арестом членов Временного правительства в Зимнем дворце, политические присоединения прибывающих делегатов и их позиции по правительственному вопросу гарантировали, что усилия по установлению многопартийного демократического социалистического Временного правительства, обещавшего программу мира и срочной реформы в ожидании своевременного созыва Учредительного собрания, принесет свои плоды. После военных событий 25 октября этот недавно сформовавшийся дух сотрудничества широкого спектра социалистов испарился. Даже ближайшие союзники большевиков, левые эсеры, чувствовали себя обманутыми и временно отказались от вступления в новое советское правительство, тем самым открывая путь к образованию исключительно большевистского кабинета — Совнаркома под руководством Ленина.

Только к концу брежневской эпохи прогрессивные молодые советские историки начали открыто проводить различия между западными историками, которые остались преданы традиционным стереотипам «Октября» времен холодной войны, и возникающей группой историков-ревизионистов младшего поколения, к которой принадлежал и я, которые, по их мнению, искренне пытались быть скрупулезными в своих исследованиях и политически нейтральными в своих толкованиях. С началом перестройки эта терпимость к резко различающимся мнениям проявилась в еще большей степени. В октябре 1989 г. книга «Большевики приходят к власти» (*The Bolsheviks Come to Power*) стала первым западным научным исследованием революции 1917 г., которое было опубликовано в Советском Союзе¹³.

Большевики у власти

Явное несоответствие между, с одной стороны, моим взглядом на большевистскую партию и Советы до «Октября» как на независимые, относительно демократические институты и, с другой стороны, общими западными представлениями об этих институтах как об *уже* бывших авторитарными, с партийным доминированием над Советами сразу после свержения Временного правительства, привело меня к расширению моего исследования и обращению к началу советской эпохи. Первым результатом этой новой работы стала книга «Большевики у власти: Первый год советской власти в Петрограде» (*The Bolsheviks in Power: The First Year of Soviet Rule in Petrograd*)¹⁴. Моя основная цель состояла в том, чтобы попытаться реконструировать путь, по которому были реорганизованы партийные и советские органы, и трансформацию их отношения друг к другу в течение первого года советской власти в Петрограде в контексте быстро меняющихся политических, экономических, военных и глобальных реалий.

Я начал работу над этой книгой в Советском Союзе в конце 1970-х гг. К моему разочарованию, я обнаружил, что многие виды опубликованных источников, которые имели наибольшее значение для меня и проливали свет на сложный процесс, приведший большевиков к власти, либо не существовали вообще для характеристики более позднего периода, либо были изъяты из обращения¹⁵. После того как я провел более десяти лет, изучая каждый доступный источник, мой проект оказался в тупике. Поэтому неожиданная возможность поработать в исторических архивах Москвы и Ленинграда начиная с 1991 г. была послана мне Богом! Неожиданно у меня появилась возможность рассмотреть

¹³ См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989.

¹⁴ См.: Рабинович А. Большевики у власти: первый год советской власти в Петрограде. М., 2007.

¹⁵ Я имею в виду в особенности современные газеты с различными точками зрения и многие полезные воспоминания и коллекции документов по 1917 г., опубликованные в относительно свободные 1920-е гг.

изменения во внутренней работе и функциях партийных и советских органов сверху донизу, а также функционирование союзов и даже таких чрезвычайно скрытых силовых структур, как ЧК. Кроме того, у меня появилась возможность изучить внутривнутрипартийные и внутривнутриправительственные споры по поводу политики на всех уровнях. Я обнаружил, что большевики пришли к власти не просто без авторитарного опыта, но и без заранее составленного плана или даже концепции, как они будут управлять страной. Скорее, изменения в структуре, функции и операции большевистской партии и советов в революционном Петрограде и в их отношении друг к другу были сторонами постепенного, комплексного, но различного процесса. Этот процесс проходил явно под влиянием марксистской идеологии — особенно идей, что только через самоуправление пролетариат мог избежать эксплуатации со стороны среднего и высшего класса и что социалистические революции были неизбежны во всем мире. Однако этот процесс был обусловлен более всего сложностью управления и удержания власти до победы этих решающих социалистических революций за рубежом.

Я проиллюстрирую это положение краткими описаниями лишь нескольких среди многих характерных эпизодов, которые подробно рассмотрены в книге «Большевики у власти». Учитывая требования журнальной публикации, я пропущу рассмотрение показательных «переговоров Викжеля» в конце октября, в ходе которых широкое социалистическое коалиционное правительство едва не было сформировано¹⁶. Я начну с борьбы, которая окружала долгожданное Учредительное собрание. Выборы в Учредительное собрание в Петрограде и в Петроградском регионе в ноябре 1917 г. закончились блестящей победой большевиков. Однако в масштабе всей страны победителями были эсеры, которые получили решающее большинство в Учредительном собрании.

После выборов ленинское большинство партийного руководства, не будучи умеренными большевиками, стремилось разрушить деятельность Учредительного собрания¹⁷. И поздно ночью с 5 на 6 января, после того как Учредительное собрание отказалось признать приоритет советской власти, большевистское руководство распустило его. Это было сделано беспрепятственно по трем основным причинам. Первая причина состояла в том, что большевики контролировали большинство местных и региональных сил безопасности. Вторая — в то время они имели сильную поддержку со стороны левых эсеров (их товарищей в правитель-

¹⁶ Я излагаю историю переговоров Викжеля и динамики политики большевиков по отношению к этим переговорам в книге «Большевики у власти» (с. 57–76).

¹⁷ Умеренные большевики под руководством того же Каменева, который последовательно выступал за формирование широкого социал-демократического единства кабинета до Октября, остались верны этой цели впоследствии. В декабре им удалось отстоять во Временном бюро большинство большевистских делегатов на Учредительное собрание тогда в Петрограде и взять самостоятельный курс на признание права Учредительного собрания на определение будущего политического и социального порядка революционной России, прежде приостановленного Лениным и Центральным комитетом партии (см.: Рабинович А. Большевики у власти. С. 146–150).

стве). И третья причина, возможно, самая главная — большая часть населения России была *безразлична* к судьбе Учредительного собрания, выбирая между ним и всё еще привлекательными обещаниями революционной советской власти.

В период политических кризисов по вопросу альтернативы Викжеля и судьбы Учредительного собрания — были и другие кризисы — петроградские большевики впервые почувствовали крайнюю нехватку кадров, а это стало одним из основных факторов, определяющих их внутреннюю и организационную политику в течение всей Гражданской войны¹⁸. Фактически уже сразу после октябрьских дней организационная деятельность партии была значительно подорвана, так как опытные, более образованные большевики полностью перешли в правительство или на военную службу. В конце 1917 и в 1918 гг. дефицит кадров в партии, а затем даже в советских органах привел к разрушению демократических норм. В то же время советы на всех уровнях стали значительно более политически важны, чем партийные органы.

Первые несколько месяцев после «Октября» не большевистский Центральный комитет, а правительственный орган Совнарком определял политику в стране. Также большую часть, если не весь 1918 г., Петроградский Совет, а позже так называемый Совком Северной коммуны преобладал над Петроградским комитетом большевиков и большевистским комитетом Северной области¹⁹. Более того, петроградские районные советы стали полунезависимыми вотчинами, не реагирующими на управляющие сверху Петроградский совет или аналогичные районные партийные комитеты. Короче говоря, правительственная власть сверху донизу была не *централизована*, как это обычно представлялось, но *децентрализована*. До второй половины 1918 — начала 1919 г. Москва не прилагала серьезных усилий, чтобы изменить этот процесс.

¹⁸ Накануне Красного Октября количество большевиков в Петрограде составляло максимальное число — примерно 50 тыс. К середине февраля 1918 г. эта цифра снизилась до 36 тыс.; к июню падение было значительно более резким — до 13 500 членов; и в августе 1918 года — лишь 6000 членов. Внутренний опрос членов партии в начале марта 1919 г. показал, что общее число петроградских большевиков тогда составляло менее 9000. Это было, конечно, ростом. Однако очень большой процент этого количества составляли новые члены и лишь около 600 из них были женщины-работчие. (И это в то время, когда общее число рабочих петроградских заводов составляло, по оценкам, чуть менее 150 тыс., почти половина из них — женщины). Еще в марте 1919 г. подавляющее большинство оставшихся рабочих петроградских заводов, практически все входившие в профсоюзы, сопротивлялись давлению и оставались беспартийными. Это по сути подрывающее численное соотношение остается неизменным на протяжении остальной части 1919 г., несмотря на интенсивную кампанию по привлечению новых членов, в ходе которой практически все квалификационные требования были отменены.

¹⁹ Помимо Петрограда Северная область включала соседние провинции Петрограда: Архангельск, Вологду, Олонец, Новгород и Псков. Первый съезд советов Северной области в апреле 1918 г. сформировал коалиционное правительство из большевиков и левых эсеров — первый Совком Северной области или Северную коммуны (СК СО). Приблизительно в то же время был также сформирован большевистский комитет Северной области (СОК) (см.: Рабинович А. Большевики у власти. С. 260–282).

Перейдем к другому сложившемуся в тот момент политическому критическому положению — внутрипартийному кризису по вопросу Брест-Литовского мирного договора. После того как Антанга проигнорировала обращение Второго всероссийского съезда советов ко всем воюющим странам заключить перемирие и немедленно начать мирные переговоры, у советского правительства не оставалось иного выбора, кроме как вступить в переговоры о сепаратном мире с немцами и надеяться, что зарубежные революции спасут его. В январе 1918 г. Германия дала понять, что ее цена за мир будет чрезвычайно высокой. Для Ленина не требовалось доказательств, что само *выживание* революции в России зависело от принятия условий Германии. Однако для значительной части большевистского руководства — левых коммунистов, не говоря о левых эсерах — подписание мирного договора на немецких условиях было неприемлемым предательством немецкого рабочего класса и международной социалистической революции. Они требовали отказа от условий и объявления «священной войны» против немецкого империализма. Внутрипартийный и внутриправительственный кризис, разразившийся вследствие этих событий, длился до ратификации Советской Россией провального Брест-Литовского мира в марте.

Коротко говоря, после того как первоначальные попытки Ленина убедить партийное руководство принять условия Германии потерпели поражение, большинство согласилось выбрать стратегию Троцкого «ни войны, ни мира»²⁰. Для того чтобы реально оценить лидерские способности Ленина, проявленные в ходе этого кризиса, важно вспомнить о *децентрализованном* характере советской политики и правительства в то время. В борьбе с левыми коммунистами (и влиятельными левыми эсерами!) основные средства борьбы в ленинском арсенале не сильно отличались от тех, которые были в распоряжении западных демократий. Ленин яростно лоббировал соглашение с Германией. В один решающий момент он пригрозил выйти из правительства и Центрального Комитета, если не будут приняты условия Германии. Его основным оружием в этом конфликте была рациональная аргументация. 18 февраля немцы ответили на прокламацию Троцкого «ни войны, ни мира» и его выход из переговорного процесса в Бресте началом нового наступления, легко двинувшись через северо-западную Россию в направлении Петрограда. Вскоре после этого, вслед за одними из самых ожесточенных в советской истории дебатов в руководстве, Ленин с минимальным перевесом сумел получить большинство в поддержку заключения немедленного мира на новых, даже более жестких немецких условиях²¹. Ленин и его сторонники надеялись, что немецкое наступление на Петро-

²⁰ Согласно этой стратегии, когда переговоры о заключении мира уже не могли больше складываться, Троцкий просто объявил бы их оконченными и полагался бы на отказ немецких солдат сражаться против их русских товарищей, в случае если германское высшее командование попыталось бы возобновить наступательные операции.

²¹ Семеро членов Центрального комитета проголосовали за принятие новых условий, 4 — против и 4 — воздержались (Протоколы Центрального комитета РСДРП(б), август 1917 — февраль 1918 г. С. 216).

град прекратится, как только они согласятся на условия Германии. Поскольку этого не произошло, когда «враг был у ворот», советское правительство бежало из Петрограда под покровом ночи с 10 на 11 марта 1918 г. в относительно безопасную Москву²².

Политический кризис из-за Брестского договора имел огромный исторический интерес и значение не только потому, что раскрывал сильные стороны Ленина как политического лидера или потому, что стал серьезным предупреждением о рисках глубоких внутривластных разногласий. Его значение также усиливалось тем, что этот кризис был основной причиной разрыва коалиции большевиков и левых эсеров. Обе стороны особенно продуктивно работали вместе в Совкоме Северной коммуны. Их разрыв привел к консолидации однопартийного руководства в Советской России, которое продолжалось на протяжении большей части XX в.

В конце книги «Большевики у власти» я реконструирую происхождение, развитие и масштабы красного террора в Петрограде 1918 г., который обычно рассматривается западными историками как отражение зверств ленинского авторитаризма. В связи с этим следует сказать, что, конечно, террор против враждебных классов рассматривался и Лениным, и Троцким как легитимное политическое оружие. Однако мое изучение этого вопроса показало, что кровавый красный террор в Петрограде, который был спровоцирован убийством Моисея Урицкого (умеренного большевика, главы Петроградского ЧК) утром 30 августа, был в меньшей степени следствием давления со стороны Ленина или его эмиссаров, чем кульминацией локально возникшего ответа на предполагаемые угрозы в Петрограде, которые развивались большей частью *независимо* от Москвы²³.

²² В Петрограде отъезд правительства из революционной столицы усугубил резко растущее недовольство рабочих фабриками советским правлением в большевистском стиле, бывшее результатом увеличения нехватки продовольствия и стремительно растущей безработицы. Эти факторы, в свою очередь, привели к созданию Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда. Это движение не было подавлено до начала июля, когда большевистские власти переформировали состав Петроградского совета и положились на сомнительный мандат, предоставленный этому органу *сфальсифицированными* выборами для подавления внеочередного собрания неодолимой силой.

²³ Начиная с июня, если не раньше, череда одновременных угрожающих событий, в том числе убийство особенно популярного большевистского лидера В. В. Володарского, привела к формированию осадного унастроения среди членов Петербургского комитета партии, а также к возрастанию тревоги по поводу возможностей защиты тем или иным способом «внутреннего фронта» и в то же время о выделении большего контингента для экстренной службы в продотрядах и Красной Армии. Преобладающее настроение было таково, что было достаточно неподтвержденного сообщения о крупном контрреволюционном заговоре на заседании Петербургского комитета 23 июля, чтобы внушить необходимость немедленного принятия систематической программы массового красного террора. Хотя этот курс на тот момент был отклонен, число арестов подозреваемых контрреволюционеров в то время резко возросло, а некоторые из тех, кто был в тюрьме, названы «заложниками», которые будут немедленно казнены, если еще один партийный лидер будет убит. Утром 30 августа был застрелен Урицкий. Решение приступить к немедленному развертыванию массового красного террора было принято на спешном заседании

1919 год

Как я отмечал, успех большевиков в 1917 г. в неизмеримо большей степени был обусловлен организационной *демократизацией* и *децентрализацией*. Но для продолжения существования советской власти в 1919 г. в Петрограде верным было обратное. В то время выживание советской власти зависело от способности Москвы мобилизовать военные ресурсы всей страны и сосредоточить их там, где и когда они больше всего были нужны. Нет лучшего доказательства важности этого фактора, чем то, как быстро Москва поставила остро необходимые продукты питания, теплую одежду и новые войска в Петроград в конце октября 1919 г., когда оккупация города частями Северо-Западной армии Юденича оказалась почти неизбежной²⁴.

В конце 1918 г., на котором заканчивается книга «Большевики у власти», многие из фундаментальных политических процессов, рассмотренных в ней, еще не завершились, и, на мой взгляд, были еще обратимы. На горизонтальном уровне эти процессы включали переход центра основной политической власти от Совнаркома в Центральный комитет большевиков; на уровне города — от петроградского правительства в Петербургский комитет большевиков; и на местном уровне — от районных Советов — в районные комитеты большевиков. На вертикальном уровне эти процессы повлекли *централизацию* политической власти в руках Центрального комитета и Петербургского комитета большевиков.

Центр внимания моих исследований теперь — 1919 год — время бесконечных внутренних экономических и политических чрезвычайных ситуаций²⁵,

петроградских государственных и партийных лидеров, инициированном Петербургским комитетом в тот же самый день — за несколько часов до покушения на жизнь Ленина в Москве и за четыре дня до того, как Совнарком в Москве дал зеленый свет общенациональному массовому террору.

²⁴ В конце лета 1919 г., когда силы Седьмой советской армии на петроградском фронте наконец отодвинули Северо-Западную армию Юденича назад к эстонской границе, череда побед Добровольческой армии Деникина на Украине и на юге России вызывали большую тревогу в Москве. В ответ на настойчивые директивы из Москвы петроградские власти отложили заботы о защите региона и бросили чрезвычайно большое число партийного, правительственного и военного персонала на Южный фронт. Однако как только эта спешная мобилизация была завершена, Северо-Западная армия Юденича, подбадриваемая, поддерживаемая и переоснащенная британцами, начала внезапное нападение на Петроград, что позволило ей продвинуться к пригородам чуть более чем за неделю. Частично вследствие важного и своевременного вмешательства Льва Троцкого, когда силы Северо-Западной армии достигли Пулковских высот — последней линии обороны бывшей столицы, Седьмая армия была снабжена крайне необходимыми продуктами питания и теплой одеждой и усилена значительным числом новых частей, многие из них передвигались в Петроград с восточных и южных фронтов, где положение уже улучшилось. В итоге защитники Петрограда в Пулково далеко превзошли атакующих и выстояли.

²⁵ Эти кризисы охватывали, но отнюдь не ограничивались местной коррупцией в милиции и ЧК, резким повышением уровня преступности, страшным тифом и холерой, продолжающимися контрреволюционными заговорами, поддерживаемыми и частично финансируемыми британцами, и крайней нехваткой топлива, что требовало периодической

а также время периодических, пугающих, кажущихся катастрофическими военных кризисов²⁶. В такие моменты неизбежно отказывались от каких-либо всё еще оставшихся демократических норм, и процесс централизации значительно ускорялся. Высшая руководящая власть в Петрограде, который официально бóльшую часть 1919 г. находился на осадном положении, часто переходила к по-разному называемым исключительно большевистским комитетам самого высокого уровня для обороны Петрограда. Руководство на районном уровне перешло к специальным властным революционным тройкам.

В феврале 1919 г. независимую политическую власть Петрограда резко ослабил внезапный односторонний *роспуск* Москвой Северной коммуны. В марте 1919 г. право обложения налогом, которым пользовались петроградские районные советы, было ограничено, и они стали подотчетны Петроградскому совету. Спор, об отношениях между партией и советами, который всё еще назревал в январе–феврале 1919 г., на Восьмом съезде Российской коммунистической партии, состоявшемся в марте, был разрешен в пользу гегемонии партии. В обстоятельствах, которые я воссоздаю в моей нынешней книге, не было места для независимых правительственных органов, децентрализованного принятия решений и демократически управляемых партийных комитетов и Советов.

References

Abrosimova T.A., Bondarevskaja T.P., Lejkina E.T., Černâev V.Ů. Pervyj Peterburgskij komitet RSDRP(b) v 1917 godu: Protokoly i materialy zasedaniâ. SPb., 2003.

Kudeli P.F. Pervyj legal'nyj Peterburgskij komitet bol'shevikov v 1917 g. / Pod red. P. F. Kudeli. M.; L., 1927.

Protokoly Central'nogo komiteta RSDRP(b): Avgust 1917 — fevral' 1918 / In-t marksizma-leninizma. M., 1958. S. 86–92.

Rabinowich A. Bol'sheviki prihodât k vlasti: Revolûciâ 1917 goda v Petrograde. M., 1989.

Rabinowich A. Bol'sheviki u vlasti: pervyj god sovetskoj vlasti v Petrograde. M., 2007.

Rabinowich A. Krovavye dni: Îûl'skoe vosstanie 1917 goda v Petrograde. M., 1992.

Rabinowich A. Umerennye bol'sheviki ob Oktâbre 1917 goda // Istoričeskie zapiski. 2008. № 11 (129). S. 330–346.

приостановки заводов. Самый серьезный из всех — в феврале и марте: чрезвычайно изнуряющая нехватка продовольствия привела к расширяющейся волне забастовок рабочих Путиловского завода, к которым присоединились рабочие других ключевых предприятий. Иногда беспорядки приобретали насильственный характер и способствовали временному возвращению левых эсеров.

²⁶ На протяжении большей части года целостности Петрограда и прилегающего региона угрожали различные финские националистические силы, которые стремились захватить Карелию и даже занять Петроград, чтобы помочь избавить мир от «большевистской опасности» и/или в качестве способа гарантировать независимость Финляндии после повсеместно ожидаемого конца большевизма. Захват красного Петрограда был главной целью двух дополнительных крупных атак на город — в конце весны и осенью 1919 г. со стороны Белой армии Юденича, соединенной с эстонскими частями и поощряемой, поддерживаемой и снабжаемой британцами.

Rabinowich A.E. «Glavnoj ego čertoj byla čelovečnost'...» // *Znamenitye universanty: Očerki o pitomcah Sankt-Peterburgskogo universiteta / Otv. red. N.Â. Olesič. T. 3. SPb., 2005. S. 384–407.*